

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Ильяшенко Александра Филипповича

«Идеи мира и безопасности во внешней политике Александра I 1813–1825 годов», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Диссертационное исследование Александра Филипповича Ильяшенко посвящено значимой проблеме истории международных отношений и внешней политики России первой четверти XIX века – идейно-концептуальным основаниям Священного союза. Тема исследования, имеющая за собой основательную историографическую традицию в отечественной и зарубежной историографии, и сегодня сохраняет актуальность и значительный эвристический и исследовательский потенциал, поскольку долгое время не была свободна от крайних интерпретаций: либо эологетической, представлявшей Александра I как основателя «Европейской федерации», создателя Священного союза, политическая философия которого до начала 1820-х гг. базировалась на принципах конституционной дипломатии и внешнеполитического компромисса; либо сугубо критической, видевшей в изменении позиции российского императора в отношении идеи создания христианско-конституционной Европы в рамках Священного союза перерождение его в реакционный инструмент совместной борьбы монархов против «революционной гидры». Автор избирает иной путь – он рассматривает внешнеполитический проект императора как комплексное, многоуровневое явление, в котором переплетаются религиозно-мистические искания, политическая теология, дипломатическая практика, символическая репрезентация и интеллектуальное влияние ближайшего окружения. Такой подход, находящийся на стыке интеллектуальной истории, истории понятий,

политической теологии и цифровых гуманитарных наук, является несомненно актуальным и новаторским.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложений (включая визуальные источники и перевод поэтического произведения). Структура логична и соответствует поставленным задачам.

Во введении автор обосновывает актуальность, определяет объект и предмет, хронологические (1813–1825 гг.) и территориальные рамки, формулирует цель и задачи исследования, подробно характеризует методологию и источниковую базу. Особого внимания заслуживает развернутый историографический обзор, в котором выделены основные этапы изучения Священного союза – от дореволюционной апологетики и советской критики до современных исследований и подходов (работы А.Ю. Андреева, А.Л. Зорина, П. Шрёдера, Ф. Менгера и др.). Это позволяет автору четко обозначить свое место в историографическом процессе.

Представленная диссертация опирается на широкую и репрезентативную источниковую базу. Автором привлечены и проанализированы законодательные акты (манифесты, указы Полного собрания законов Российской империи), обширный комплекс делопроизводственных материалов (дипломатическая переписка из многотомных изданий «Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского Министерства иностранных дел» и «Сборник РИО», трактаты и конвенции, опубликованные Ф.Ф. Мартенсом), источники личного происхождения (дневники, мемуары, переписка самого императора, А.Н. Голицына, Р.С. Эдлинг, И.А. Каподистрии, А.С. Стурдзы, баронессы В. Ю. Крюденер, Ф. Баадера и др.), а также визуальные источники и предметы материальной культуры – гравюры, карикатуры, декоративно-прикладные изделия. Особого внимания заслуживает созданный автором машинно-

читаемый корпус дипломатических документов (объемом более 1,4 млн словсформ), что позволило впервые применить количественные методы анализа (частотность, коллокации, диахронные графики) к изучению языка российской дипломатии эпохи Священного союза. Методологическая основа (принципы историзма, объективности, системности; историко-генетический и сравнительно-исторический методы; методы интеллектуальной истории, истории понятий, иконологии, семиотики, а также корпусный анализ с использованием веб-сервиса Voyant Tools) является адекватной поставленным задачам и обеспечивает высокую достоверность полученных результатов.

Первая глава «Император Александр I и его собеседники» представляет собой серию хорошо документированных и взвешенных портретов. Автор убедительно показывает, что каждый из приближенных российского императора выполнял присущую только ему уникальную функцию: А.Н. Голицын – духовного наставника, Р.С. Эдлинг – связующего звена и источника нравственной поддержки, В. Ю. Крюденер – мистической пророчицы, укрепившей веру царя в его избранничество, Ф. Баадер – философа, предложившего теократическую концепцию политики, И.А. Каподистрия – творческого соавтора и практического реализатора, А.С. Стурдза – интеллектуала и «рупора», К.В. Нессельроде – аккуратного исполнителя. Важным выводом автора является тезис о том, что Александр I избирательно заимствовал у каждого необходимые ему элементы и, несмотря на кажущуюся подверженность влиянию, оставался «своим собственным министром».

Вторая глава «Образ врага и роль русской армии во внешнеполитической концепции императора Александра I» посвящена политической теологии царя. Автор прослеживает эволюцию теологического образа врага от персонифицированного Наполеона-антихриста (в манифестах до 1816 г.) до безличного, но всепроникающего «духа революции»,

действующего через тайные политические радикальные общества и имеющего центр в Париже. На основе дипломатической документации (особенно переписки периода 1818–1822 гг.) в диссертации проанализирован процесс формирования мифологемы «всеевропейского заговора революционеров» против христианских монархов. Комплексный анализ официальных материалов и источников личного происхождения позволил диссертанту сделать важный вывод, что данную мифологему Александр I в своей политической практике стал использовать достаточно поздно, с начала 1820-х гг., и весьма выборочно. В основании же принятия решения 1822 г. о закрытии всех тайных обществ в России лежал ряд внешнеполитических условий и внутривполитических причин. Отдельный параграф посвящен роли русской армии – не просто как военной силы, но как «христианского воинства», призванного охранять мир и противостоять революционной угрозе. Автор убедительно доказывает, что идея создания общеевропейской армии под эгидой Священного союза, пусть и не реализованная в полной мере, последовательно проводилась Александром I на конгрессах в Троппау, Лайбахе и Вероне. Особого внимания заслуживает анализ позиции российского императора в отношении Греческого восстания как экзистенциального кризиса всей теологической системы царя, когда произошло столкновение двух принципов – неприятия революции и необходимости защиты единоверцев.

Третья глава «Формирование языка российской дипломатии» является методологическим ядром работы. Использование корпусного анализа (Voyant Tools) позволило автору не просто декларировать, а количественно обосновать существование целостной понятийной системы. Анализ частотности и коллокаций ключевых идеологем – alliance (союз), paix (мир), système (система), révolution (революция) – выявил их устойчивую взаимосвязь. Особенно показательны диахронные графики (Рис. 3.3–3.11),

демонстрирующие, как политические события (европейские революции и Греческое восстание 1820–1822 гг., конгрессы в Аахене, Троппау, Лайбахе) повлияли на активизацию употребления указанных терминов. Автор выделяет три этапа эволюции языка дипломатии: становление (1815–1816), пик с оформлением дихотомии «христианский союз – революционная угроза» (1818–1821) и кризис, вызванный Греческим восстанием (после 1822).

Четвертая глава «Символика и репрезентация идей императора Александра I и его сподвижников» органично дополняет языковой анализ третьей главы. Автор детально реконструирует публичные богослужения (благодарственный молебен под Теплицем в 1813 г., пасхальное богослужение в Париже в 1814 г., смотр и литургия в Вертю в 1815 г., протестантское богослужение в Аахене в 1818 г.), показывая, что они служили сакрализации Священного союза и формировали его сакральный образ в глазах армии и общества. В данной главе также анализируются десять гравюр (из мастерской Ф. Кампе, работы И.М. Фольца, И.К. Бока, Ф. П. Толстого и др.), карикатуры и предметы декоративно-прикладного искусства. Автор убедительно доказывает, что устойчивый изобразительный сюжет – три монарха, объединенные рукопожатием или совместной молитвой, – сложился уже в 1813 году (встреча в Праге, «священное мгновение» под Лейпцигом), задолго до официального подписания Акта Венского конгресса 14 сентября 1815 г. Таким образом, художественная традиция не только отражала, но и активно конструировала смысловую среду вокруг Священного союза. В работе особо отмечено также переключение с «героизации» Союза на его карикатурное изображение (особенно в английской графике после 1818 г.), что отражало охлаждение между союзниками и растущую критику политики интервенций.

Заключение подводит итоги исследования, обобщает выводы по каждой главе и намечает перспективы дальнейшего изучения темы. Автор подчеркивает, что внешнеполитическая деятельность Александра I в эпоху

Священного союза была подчинена задаче создания системы коллективной европейской безопасности, основанной на внешнеполитическом компромиссе и направленной на создание христианско-конституционной Европы в рамках Союза. Однако, пройдя в своем развитии несколько этапов, программа ее реализации завершилась кризисом, связанным с Греческим восстанием.

Выводы диссертации расширяют и уточняют существующие в исторической науке представления о внешнеполитическом курсе России в эпоху Священного союза, о механизмах политической коммуникации первой четверти XIX века. Предложенная методология комплексного анализа данного дискурса (сочетание традиционных исторических методов с инструментарием политической теологии и цифровых гуманитарных наук) может быть применена для дальнейшего изучения идеологических аспектов внешней политики России и других европейских держав. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по отечественной истории первой половины XIX века, истории международной политики и дипломатии.

Научная новизна исследования не вызывает сомнений и состоит в следующем. Во-первых, впервые комплексно реконструирован круг ключевых собеседников Александра I (А.Н. Голицын, Р.С. Эдлинг, В.Ю. Крюденер, Ф. Баадер, И.А. Каподистрия, А.С. Стурдза, К.В. Нессельроде) и показана их роль в формировании внешнеполитических идей императора. Во-вторых, прослежена эволюция образа врага как системообразующего элемента политической теологии Александра I – от персонифицированного Наполеона до безличной, но всепроникающей антихристианской тайной организации. В-третьих, впервые в отечественной историографии к внешней политике Российской империи первой четверти XIX в. применен комплексный лингвоисторический (квантитативный) подход, что позволило перейти от качественных оценок к верифицируемым выводам о структуре и динамике

ключевых идеологием («союз», «мир», «безопасность», «система»). В-четвертых, на основе анализа публичных богослужений и визуальных образов выявлены механизмы репрезентации идей Священного союза и показано, что художественная традиция нередко опережала реальные политические события. В-пятых, реконструирована концепция русской армии как «христианского воинства» и ядра коллективных сил безопасности Европы.

Достоинства работы очевидны: это и широта источниковой базы, и новаторская методология, и богатый иллюстративный материал (Приложение II), и стремление автора к объективности и взвешенности оценок. Работа написана хорошим научным языком, логически выстроена.

Однако есть вопросы и замечания дискуссионного характера. При несомненной высокой оценке диссертации считаю необходимым высказать следующие замечания и пожелания, которые носят преимущественно рекомендательный характер:

1. О соотношении политической теологии и геополитической прагматики. Автор убедительно доказывает доминирование религиозно-мистических идей в мировоззрении Александра I. Однако не всегда четко прописана грань, где заканчивается «политическая теология» и начинается сугубо геополитический расчет – например, в польском вопросе, в отношении к усилению Пруссии, в балансировании между Австрией и Англией. Представляется, что акцент на идеологии приводит к определенной недооценке рационально-прагматических мотивов, особенно в действиях К.В. Нессельроде и позднего И.А. Каподистрии. Желательно было бы более четко эксплицировать эту грань во введении или в заключении.

2. Есть вопросы и к методике корпусного анализа. Использование Voyant Tools – безусловно, сильное место работы. Однако следовало бы подробнее остановиться на ограничениях метода. Хотелось бы видеть более строгую процедуру разграничения случаев употребления термина *alliance* в

значении «Священный союз» и в более общем значении «военный союз» или «союз вообще». Автор делает это де-факто, но критерии следовало бы прописать в методологическом разделе.

3. О роли оппонентов императора. В работе детально рассмотрены сторонники идей Александра I (Голицын, Крюденер, Стурдза, Каподистрия). Однако практически не проанализировано влияние консервативной «партии» (А.С. Шишков, архимандрит Фотий, А.А. Аракчеев) на корректировку внешнеполитического курса, особенно в последние годы александровского царствования. Отставка А.Н. Голицына в 1824 г. упомянута, но каковы были конкретные последствия этой победы консерваторов для идейного обоснования Священного союза? Повлияло ли это, например, на ужесточение риторики в отношении Греческого восстания?

4. Автор справедливо называет Греческое восстание системным кризисом идей Александра I. Однако позиция императора в 1821–1825 гг. представлена несколько монолитно – как последовательное неприятие любой революции. Известны, однако, его симпатии к единоверцам, его фраза о «службе Антихристу» у турок, а также то, что он долгое время колебался между принципом легитимизма и реальной политикой на Балканах. Не следует ли более дифференцированно подойти к эволюции его взглядов на греческий вопрос в последние годы жизни, учитывая также давление со стороны Каподистрии, греческой диаспоры в России и, возможно, даже мистических пророчеств Крюденер о судьбе Константинополя?

5. В работе есть стилистические и технические погрешности. В тексте встречаются отдельные опечатки и стилистически не вполне удачные обороты. Графики частотности (например, Рис. 3.3 – общий) могли бы быть более читаемыми при выборе иного масштаба или цветового кодирования. В списке литературы не всегда соблюдено единообразие описания

опубликованных источников. Впрочем, эти недочеты не носят принципиального характера.

Высказанные замечания являются скорее пожеланиями к дальнейшей работе автора и приглашением к научной дискуссии. Еще раз повторяю, они не влияют на общую высокую оценку диссертационного исследования.

Диссертационное исследование Александра Филипповича Ильяшенко «Идеи мира и безопасности во внешней политике Александра I 1813–1825 годов» является самостоятельным, завершенным научным трудом, в котором решена актуальная научная задача – комплексная реконструкция идейно-концептуальных оснований, языкового выражения и символической репрезентации внешнеполитического проекта императора Александра I в эпоху Священного союза. Работа обладает несомненной научной новизной, теоретической и практической значимостью. Основные положения диссертации отражены в 4 публикациях автора в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по группе специальностей 5.6 (Исторические науки). Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации.

Диссертация Ильяшенко Александра Филипповича отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Ильяшенко Александр Филиппович, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
отдела новой истории России
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
«Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук»

 Андреева Татьяна Васильевна

Контактные данные:

Рабочий e-mail: secretary@spbiiran.ru. Рабочий телефон: (812) 235-41-98

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д.
7. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Санкт-
Петербургский институт истории Российской академии наук»

Тел.: (812) 235-41-98, e-mail: secretary@spbiiran.ru

Подпись Андреевой Т.В. заверяю:

